

А.В. Шипилов

ОППОЗИЦИЯ «МЫ – ОНИ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ

Шипилов Андрей Васильевич – кандидат культурологических наук, доцент кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета.

Проблема социально-психологической оппозиции «мы – они» на протяжении нескольких последних десятилетий привлекает к себе все большее внимание исследователей, работающих в русле различных дисциплин и школ. По вопросам, связанным с генезисом, формами, функциями, значением этого феномена, выступали и выступают представители экзистенциализма, феноменологии, герменевтики, философской антропологии, этологии, биосоциологии, биополитики, психологии, социологии, конфликтологии, этносоциологии, этноконфликтологии, этнопсихологии и просто этнологии, историки, политологи и культурологи. Литература, непосредственно посвященная или просто имеющая то или иное отношение данной проблематике, огромна и разнородна – это сотни публикаций, от фундаментальных монографий до небольших заметок. Сделать какие-либо общие выводы из анализа той небольшой части этого массива, с которой непосредственно знаком автор, не так-то просто, так как для этого нужен своего рода нейтральный язык, ибо мы имеем дело с существенно различными понятийными системами, определяющими способы концептуализации проблемы.

Этологи, психоаналитики и бихевиористы пишут об агрессии – внутривидовой, межиндивидуальной и межгрупповой, о ее причинах, механизмах, способах проявления в поведении¹; другие психологи ведут речь об инстинкте враждебности или индукции эмоциональных состояний, а еще одни – об интеракциях, когнитивных механизмах, идентификации, категоризации, аттитюдах, стереотипах и т.д.²; социологи, культуроло-

---

¹ Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // *Общественные науки и современность*, 1998, № 6; Бутовская М.Л. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии – торможения у человека // *Общественные науки и современность*, 1999, № 4; Дольник В.Р. Homo militaris // *Знание – сила*, 1994, № 1; Дольник В.Р. Вышли мы все из природы. – М., 1996; Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. – М., 1994; Дольник В.Р. Этологические прогулки по запретным садам гуманиитариев // *Природа*, 1993, № 1 – 3; Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М., 1998; Олескин А.В. Биополитика и ее приложение к социальным технологиям // *Вопросы философии*, 1995, № 7; Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. – М., 2001; Олескин А.В. Сетевые структуры современного социума с точки зрения биополитики // *Политические исследования*, 1998, № 1; Фрейд З. Почему война? – В кн.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1991; Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – В кн.: Фрейд З. Тотем и табу. – СПб, 1998; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1998; Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1995; Фромм Э. Душа человека. – М., 1998; Цюрупа А.И. Национальный инстинкт как предмет научного исследования // *Политические исследования*, 1997, № 1.

² Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М., 1998; Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М., 1983; Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – СПб, 2002; Вундт В. Проблемы психологии народов. – М., 1912; Гулевич О.А.,

ги, историософы и просто историки рассуждают об эволюции, кооперации, интеграции, расовой борьбе, ингруппе, аутгруппе, этноцентризме, праздном классе, открытом обществе, зеркальном Я, коллективном единстве, страте, системе ценностей, акторе, коммуникации, инореференции, поле, хабитусе, седиментации, реификации, ролевом поведении, политическом языке, наррации, элите, конфликте, пассионарности, комплиментарности, этничности, цивилизации, производственных отношениях, культурной границе, нации, нации-государстве, этнонации, национализме, демократии, этнократии, толерантности, интолерантности и т.д. и т.п.³ Понятно, что все эти понятия имеют раз-

---

Онучин А.Н. Изучение эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии, 2002, № 3; Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал, 2001, № 6; Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир, 1966, № 9; Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб, 1896; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб, 2000; Майерс Д. Социальная психология. – СПб, 2002; Московичи С. Век толп: ист. трактат по психологии масс. – М., 1998; Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал, 2002, № 3; Преступная толпа. – М., 1998; Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. – М., 1999; Росс Л., Уорд Э. Наивный реализм в повседневной жизни и его роль в изучении социальных конфликтов и непонимания // Вопросы психологии, 1999, № 5; Сушков Н.П. Социально-психологическая теория Дж. Тернера // Психологический журнал, 1993, № 3; Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д, 1999; Штроо В.А. Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал, 2001, № 1.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001; Арндт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996; Арон Р. Мир и война между народами. – М., 2000; Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989; Ахиезер А.С. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность, 1994, № 4; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995; Бергсон А. Два источника морали и религии. – М., 1994; Бурдьё П. Практический смысл. – СПб, 2001; Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984; Геллнер Э. Нации и национализмы. – М., 1991; Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. – М., 2000; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М., 2000; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990; Гумплович Л. Основы социологии. – СПб, 1899; Гумплович Л. Социология и политика. – М., 1895; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования, 1994, № 5; Демократия: конфликтность и толерантность. – Воронеж, 2002; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999; Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. – М., 1996; Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000; Конструирование этничности. – СПб, 1998; Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М., 1999; Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М., 2000; Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критicisme // Вопросы философии, 1997, № 1; Луман Н. Власть. – М., 2001; Луман Н. Теория общества. – В кн.: Теория общества. Сборник. – М., 1999; Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии, 1998, № 2; Мид Дж. Психология пунитивного правосудия. – В кн.: Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1996; Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М., 1998; Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования, 1994, № 12; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002; Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализ-

ные денотаты, концептуализируют разные данности, которые, тем не менее, являются и отдельными сторонами, аспектами, акцентами и т.д. – интересующей нас проблемы. Но до какой степени адекватно мы можем переводить язык одной дисциплины, школы, теории на язык других, насколько велики наши возможности экстраполировать данные, значимые в рамках одного подхода, на проблему, сама постановка которой осуществима лишь в рамках другого? Можем ли мы интерпретировать отношение греков к варварам в терминах ингруппы, аутгруппы, ингруппового фаворитизма, аутгрупповой дискриминации и эффекта «черной овцы»? А можем ли мы использовать данные о поведении бойскаутов для объяснения войн между государствами, или же проводить аналогии между отсутствием рангового порядка в сочетании с высокой степенью межклановой агрессивности у крыс – и интолерантным отношениям к чужим этногруппам в демократических режимах?

Сам ответ на эти вопросы предполагает наличие внешнего по отношению ко всем этим реалиям языка, языка нейтрального и абстрактного; но мы, к сожалению, такого языка не знаем. До некоторой степени этим требованиям отвечает язык структурно-функционального подхода, однако, удовлетворяя (и часто даже более чем) требованию абстрактности, он не удовлетворяет другому, скажем честно - весьма мало совместимому с первым, однако насущно необходимому требованию – требованию конкретности: нелегко объяснить конкретно-историческую социокультурную реалию, отнеся ее к «аутопойесису», или охарактеризовать проблему национальных взаимоотношений ссылкой на то, что «всякая сторона есть другая сторона другой стороны». Конечно, на языке структурного функционализма можно высказывать те же самые вещи, что и на языке социологической классики: так, вероятно, что Луман, говоря о том, что «на уровне собственных операций [у системы] нет контакта с окружающим миром», имеет в виду примерно то же самое, что и Дюркгейм, писавший, что «если каждый частичный агрегат образует единое целое, особую, отличную от других индивидуальность, то это значит, что деятельность его членов обыкновенно локализована в пределах агрегата»⁴.

ма. – М., 1999; Руткевич М.Н. Теория нации: философские вопросы // Вопросы философии, 1999, № 5; Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб, 1997; Смелзер Н. Социология. – М., 1998; Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М., 1994; Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. – СПб, 1999; Сорокин П.А. Система социологии. В 2-х т. – М., 1993; Спенсер Г. Научные основания нравственности. – СПб, 1896; Спенсер Г. Основные начала. – СПб, 1899; Спенсер Г. Сочинения. Основания этики. – СПб, 1899; Тишков В.А. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998, № 9; Уолцер М. О терпимости. – М., 2000; Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. – Дубна, 1999; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб, 2000; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования, 1994, № 1; Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических конфликтов // Политические исследования, 1996, № 6; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб, 1998; Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. – М, 1997; Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс // Общественные науки и современность, 1998, № 4; Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992, № 1; Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. – М., 1994; Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. – СПб, 1995; Язык и этнический конфликт. – М., 2001.

⁴ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995. - С. 129.

Подобного рода перевод Парсонса сделал в свое время Миллс – получилось коротко, понятно и очень смешно; но в то же время не стоит и перегибать палку в смысле утрирования – высокого уровня генерализации требуют соответствующего уровня абстрактности языка, иначе возникают трудности противоположного характера, когда из понятий весьма конкретных, жестко ассоциированных с определенным кругом денотатов, строят претендующие на всеобщую значимость теории – как обстоит дело, например, в случае Гумпловича, называвшего расами чуть ли не все, что угодно, и определявшего практически любые конфликты понятием расовой борьбы. Нам представляется, что единственный выход в этой ситуации не может не быть в известном смысле паллиативом: мы попробуем использовать некоторые установки системного подхода, но при этом будем использовать язык, скажем так, уровня Спенсера, а не уровня Лумана, чтобы иметь возможность говорить в одном контексте и абзаце и о референции, и о дворянстве.

И первое, о чем следует сказать – это то, что человек существует как таковой лишь в качестве члена общества: индивид не мыслим без группы, как часть немислима без целого. Более того, само общество представляет собой и целое частей, и часть целого; нижним пределом понимаемой таким образом социальности выступают человек (часть целого, но не целое частей) и человечество (целое частей, но не часть целого). И человек, и человечество уникальны, ибо человек отличен от других людей, но не есть их совокупность, а человечество суть совокупность, но не отличная от иных однопорядковых совокупностей, так как последних не существует; взятые как таковые, отдельный индивид и полная сумма индивидов определяют собой те границы, в которых реализуется социальность.

Человек обретает себя через тождество и различие, или, скажем мягче, через отличие и сходство – с другими людьми; идентичность и конкретизирует, и абстрагирует своего носителя одновременно – но в разных отношениях: в первом случае это отношение различия (отличия), в последнем – тождества (сходства). Отличаясь от других, индивид становится уникальной личностью, отождествляясь с ними, человек становится существом общественным; личностная идентичность позиционирует его как *Я*, социальная – как *Мы* (по проблематике *Я*, *Ты*, *Мы*, *Вы*, *Они* писали многие авторы, от экзистенциалистов до социопсихологов⁵; мы учитываем этот опыт, но с определенной избирательностью). *Я* предполагает отличие индивида от всех остальных, категоризируемых как *Они*; но одно отличие от других еще не образует идентичность, так как *Я*, представляющее собой чистое отрицание, негацию *Они*, само по себе лишено позитивного содержания. Это содержание приобретается не через отличие, а через тождество – тождество с *Они*; но нельзя быть отличным от чего-то и тождественным с ним в одно и то же время и в одном и том же отношении, и потому на сцену выходит *Мы*. *Мы* – это свои *Они*, это те *Они*, от которых не отличается, а, наоборот, с которыми отождествля-

---

⁵ См., например: Бубер М. *Я и Ты*. – М., 1993; Левинас Э. *Тотальность и бесконечное: эссе о внешности* // Вопросы философии, 1999, № 2; Шугуров М.В. *Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики*. – Саратов, 1999; Шульгин И.Н. *Альтернативная герменевтика в диалоге культур* // Вопросы философии, 2002, № 12; Тищенко П.Д. *Метафорика и метафизика телесности*. – В кн.: *Культура – традиции – образование*. Ежегодник. Вып. № 3 – 4: *Постижение культуры*. – М., 1995; Вальденфельс Б. *Жало Чуждого (фрагмент)* // *Метафизические исследования*. – СПб, 1998. Вып. 5; Вальденфельс Б. *Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом»*. – <http://muza.lvs.ru/Books/valdenfels.htm>; Поршнев Б.Ф. *Социальная психология и история*. – М., 1979; Поршнев Б.Ф. *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)*. – М., 1974.

ется *Я*; так как *Я* не может в одном и том же отношении быть и отличным от *Они*, и тождественным *Они*, то *Они*, отождествленные с *Я*, выступают как *Мы*, а *Они*, отличенные от *Я* – как собственно *Они*. Идентичность предполагает сразу и тождество, и различие, и *Я* не может быть тождественным и отличаться одновременно от одного и того же *Они*, ему необходимо *Мы*; *Мы* может – в другое время или в другом отношении – представлять как *Они*, но тогда *Я* отождествляет себя с другим *Мы*, которое, соответственно, в иное время и в ином отношении может выступать как *Они*. Но в одно и то же время и в одном и том же отношении *Мы* необходимо должно быть отличным от *Они*, поэтому *Я* всегда предполагает собой и то, и другое; *Я*, *Мы* и *Они* образуют собой систему взаимосвязанных элементов, где каждая позиция связана с другими отношениями тождества и различия.

Таким образом, личностная и социальная идентичность индивида не только исключают, но и предполагают друг друга: нельзя быть личностью, не будучи частью общества, а это значит, что человек в любой конкретный момент выступает членом конкретной группы, отличной от всех других групп. Таких групп, или, по Сорокину, коллективных единств, обеспечивающих социальную идентичность индивида, существует неограниченное количество, поэтому и социальных идентичностей у человека – в отличие от личностной – тоже неограниченное (в принципе) количество, но в разное время и в разных отношениях. Правда, это относится к человеку как родовому существу, а каждый конкретный человек владеет лишь определенным набором идентичностей, причем некоторые ему даны, а другие – заданы, и хотя сегодня при желании можно изменить даже расовую и половую принадлежность, но, по крайней мере, возраст люди изменять по собственному желанию еще не научились.

Дающее индивиду социальную идентичность членство в группе связано с совершением социального действия – именно тот или иной специфический вид активности является исходным группоинтегрирующим фактором. Но не всякое действие можно назвать социальным, а лишь осознанное и целенаправленное – т.е., деятельность, при этом одно и то же действие может быть полидеятельностным, а производящий его субъект – полиидентичным: человек, переставляющий фигуры на шахматной доске, может осуществлять одновременно игровую, экономическую, познавательную, педагогическую и т.д. деятельность, каждой из которых соответствует определенная идентичность его как деятеля, реализующего своими действиями принадлежность к определенным группам.

Но не все виды идентичности могут комбинироваться друг с другом в разное время или в разных отношениях, принадлежность к некоторым группам исключает принадлежность к другим: можно быть мужчиной и шахматистом, но нельзя быть мужчиной и женщиной (с учетом нынешних достижений хирургии, видимо, более показательным может быть пример с юношей и стариком). С другой стороны, не все виды деятельности и, соответственно, группы равноценны, по отношению к человеческим потребностям (Маслоу) они обладают разной значимостью, возрастающей по мере усложнения группы, интеграции, по Сорокину, элементарных коллективных единств в кумулятивные. Каждое конкретное общество представляет собой определенный, более или менее сложный набор деятельностей, групп и идентичностей, при этом минимальный критерий, которому должен соответствовать этот агломерат для того, чтобы быть обществом – это критерий способности к самовоспроизводству; отвечающее этому критерию общество обладает самостоятельными источниками существования и тем самым не является частью другого самостоятельно существующего общества. Как пишет Эдуард Шилз, «социальная система является обществом только в том случае, если она не входит в качестве составной части в более крупное общество. Объединение родственников, или племя, не является частью более крупного общества, если браки заклю-

чаются между его членами; если оно имеет территорию, которую считает своей собственной; если оно пополняет свой членский состав главным образом за счет детей тех людей, которые уже являются его признанными членами; если оно имеет свою собственную систему правления; если у него есть свое собственное название и своя собственная история, в которой многие его взрослые члены – или большинство таковых – видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым», и, наконец, если у него имеется своя собственная культура»⁶.

На наш взгляд, не все из этого набора критериев являются в равной мере обязательными и необходимыми. Например, общества кочевников, находящихся на первой стадии кочевания (круглогодичное кочевание), пребывали в состоянии перманентного нашествия, непрерывно меняя территорию и обновляя культурный, лингвистический и даже расовый состав⁷, так что половина названных Шилзом признаков не подходит для данного случая. Самоназвания типа «люди» или «местные», чрезвычайно распространенные у слаборазвитых общностей, тоже мало что говорят, а что касается исторической памяти, то в традиционных обществах отношение к истории вообще весьма специфично⁸, так что этот критерий больше подходит для позднейших национальных государств с их сконструированными историческими нарративами, чем для любого человеческого общества в принципе.

Поэтому более удачной представляется другая формулировка, даваемая Шилзом: «Общество – это не просто совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру. Именно эти факторы превращают совокупность относительно специализированных изначальных корпоративных и культурных коллективов в общество»⁹.

Общество, таким образом, предстает неким множеством микросоциумов, отдельных групп – частей целого. Что их объединяет?

Каждая система представляет собой единство благодаря действию двух разных факторов: изнутри ее интегрирует структурно-функциональная дифференциация элементов, каждый из которых не просто отличается от других, но еще и необходимо с ними связан, зависим от остальных, когда все элементы определяются как таковые друг через друга; целое здесь выступает единством многого. С другой стороны, а именно – извне, множество элементов объединяет их совокупное отличие от окружающей среды, внешнее давление которой исподволь формирует отдельные единицы в конгломерат; можно сказать, что внутри системы действуют силы притяжения, а снаружи – отталкивания. Но не все так просто: внутри системы элементы также отталкиваются друг от друга (ибо им необходимо различаться), а сама система притягивается к другим системами под действием факторов, объединяющих их в суперсистемное целое, которое может стать системой в случае, если сами системы будут редуцированы до положения отдельных элементов. Таким образом, налицо двойная динамика действующих изнутри и снаружи системы сил притяжения/отталкивания; система стабильна в случае, если силы внутреннего притяжения и внешнего отталкивания устойчиво доминируют над силами

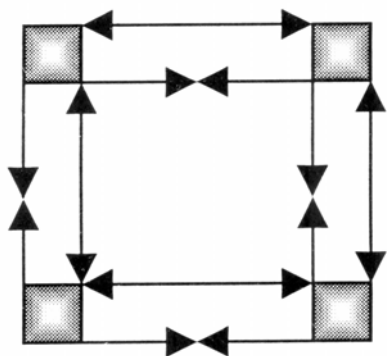
⁶ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход. – В кн.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 341 – 342.

⁷ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – С. 145.

⁸ См., например: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб, 1998..

⁹ Шилз Э. Указ. соч. – С. 345.

внутреннего отталкивания и внешнего притяжения, в противном же случае она может быть разорвана на отдельные элементы, которые интегрируются другими системами. Однако и при стабильном существовании системы в этом силовом поле взаимно отталкивающиеся друг от друга внутренние элементы находятся под действием сил притяжения со стороны других систем, и наоборот, взаимно притягивающиеся внутренние элементы находятся под действием внешних сил отталкивания. Графически простейший случай такого отношения можно изобразить в виде четырех точек на координатной плоскости: они могут быть интегрированы в две системы (или два множества) по вертикали или по горизонтали, и мы получим две вертикально интегрированных системы в том случае, если сумма сил вертикального притяжения и горизонтального отталкивания будет больше суммы сил горизонтального притяжения и вертикального отталкивания, а две горизонтально интегрированных системы мы получим в случае, если сумма сил горизонтального притяжения и вертикального отталкивания будет больше суммы сил вертикального притяжения и горизонтального отталкивания (см. рисунок).

Относительно гомогенная система может сохранять гомеостаз в большей степени за счет силы внешнего отталкивания, чем за счет силы внутреннего притяжения, а относительно гетерогенная система может находиться в состоянии динамического равновесия в большей степени за счет силы внутреннего притяжения, чем за счет силы внешнего отталкивания; иначе говоря, внешнее давление гомогенизирует систему, внутреннее давление делает ее гетерогенной. При этом система может быть гетерогенной по одному параметру и гомогенной по другому, так что первое компенсируется последним, сохраняя тем самым стабильность целого.

Переведя снова динамику в статику, мы получаем принцип метаконтраста: элементы образуют систему (точнее, группу) в случае, если различия между ними меньше, чем отличия их от элементов другой системы (группы). Этот принцип работает не только при самокатегоризации индивидом себя как члена ингруппы, отличающейся от аутгруппы, им организуется, помимо когнитивной, и эмоциональная сфера, а также поведение и сама деятельность. Отождествленное с *Мы Я* оппонирует *Они*, и степень идентификации с ингруппой тем выше, чем более значимы отличия от аутгруппы, чем сильнее выражена оппозиция *Нас – Им*; соответственно, чем сильнее отталкивание от чужой группы, тем более гомогенной становится своя, и это отталкивание может реализоваться не только как когнитивное различие, но и как выносимое за пределы группы, в сферу межгрупповых отношений, агрессивное поведение, и как организованная целенаправленная деятельность по нанесению «врагу» того или иного ущерба.

О принципе метаконтраста, в разных его выражениях, пишут очень многие исследователи: Лоренц, Олескин, Фрейд, Мак-Дугал, Шибутани, Тернер, Спенсер, Беджгот, Самнер, Зиммель, Бергсон, Мид, Сорокин, Луман, Моска, Дарендорф, Козер, Гумилев, Смит, Геллнер, Скворцов, Фрейдзон, Пюимеж, Хобсбаум, Ян. Конечно, речь при этом идет о разных предметах, но, говоря об агрессии, самокатегоризации, конфликте, национализме и т.д., все авторы выделяют такой момент, как взаимосвязь степени гомогенности группы со степенью выраженности ее оппозиции другим. Мы не считаем необходимым для целей нашего исследования постулировать то или иное причинно-следственное отношение между столь разными явлениями, дабы не редуцировать историю к этологии или конфликтологию к психологии, однако считаем, что мож-

но с достаточной степенью уверенности говорить об эквивалентности – в логическом смысле – действующих в этих случаях механизмов, о том, что здесь мы видим проявления общей закономерности системного порядка.

Итак, всякий индивид идентифицирует себя с группой, оппонирующей как *Мы* некому *Они*. Группы, объединяемые специфической деятельностью и сообщающие индивиду определенную идентичность, интегрируются в общество, при этом, развивая подход Шилза, можно выделить два основных интегрирующих фактора – систему политической власти и культуру. Политическая власть интегрирует общество, которое в наиболее элементарном виде можно представить как систему из двух структурно и функционально взаимосвязанных групп – властвующих и подвластных (элиты и массы, политического и неполитического класса и т.п.), изнутри; в этом измерении индивид позиционирует себя на плоскости власти, идентифицируя себя либо с той, либо с другой группой, отождествляя свое *Я* с *Мы*, оппонирующим *Они* в категориях «высшие – низшие». Культура интегрирует общество как бы извне – оно предстает единым за счет не внутреннего, а внешнего различия – отличия его от других обществ, социально маркируемого той или иной совокупностью культурных артефактов; в этом измерении индивид отождествляет себя с *Мы*, оппонирующим *Они* в категориях «свои – чужие». На политической вертикальной оси координат устанавливаются соотношения «выше – ниже», на культурной горизонтальной – «внутри – снаружи» (ближе к центру – ближе к периферии); в одном случае друг другу оппонируют страты, в другом – этносы. При этом стратификационные различия культурно маркируются и выступают как псевдоэтнические, а этнические различия осмысляются стратификационно и выступают как псевдостратические: «высшее – низшее» осмысляется как «свое – чужое», а «свое – чужое» – как «высшее – низшее». Говоря точнее, «свое» выступает как «высшее», а «чужое» – как «низшее»: «низшие», которые не могут считать «высшее» – «своим», считают «свое» – «высшим», а «высшие», которые не могут считать «своим» – «низшее», считают «высшим» – «чужое». В обоих случаях речь идет о позиции превосходства, необходимой для обретения позитивной идентичности, но так как подвластные не могут интерпретировать его как политическое, они интерпретируют его как культурное (по отношению к «чужим» они «высшие»), а господствующие, наоборот, не могут интерпретировать свое превосходство как культурное (по отношению к «чужим» они уравниваются с «низшими»), и интерпретируют его как политическое (они «свои» по отношению к «низшим»). Для «своих» «высшие» становятся «чужими»: неблагоприятное положение на стратификационной вертикали осмысляется в категориях «внутри – снаружи» – господин приравнивается к чужим, ибо свои не могут господствовать над своими, и власть всегда рассматривается подвластными как нечто внешнее и чуждое. Наоборот, для «высших» «чужие» становятся «своими»: здесь господствующее положение осмысляется как культурное превосходство (но за счет не «своей», а «чужой» культуры), при этом господин необходимо отчуждается от подвластных как «своих» – «своими» для него являются чужие «высшие».

Социальная и культурная дистанции, пересекаясь под прямым углом, образуют собой фигуру в виде треугольника или ромба, который, увеличиваясь по вертикали, необходимо уменьшается по горизонтали, и наоборот. Чем выше позиция, которую занимает индивид или группа по вертикальной (внутренней) шкале социальной дистанции, тем менее значимой для них становится культурная дистанция, и наоборот, чем ниже социальное положение индивида или группы, тем более значима для них горизонтальная (внешняя) культурная дистанция. Если общество в целом сильно ранжировано по социальной вертикали, то оно в меньшей степени нуждается в культурной дистанции по горизонтали, а если общество в целом сильно гомогенизировано по вертикали (в политическо-правовом отношении), то для него особую важность приобретает горизон-

тальная дистанция; в первом случае функциональной является оппозиция «высшие – низшие», а оппозиция «свои – чужие» имеет опосредующе-компенсаторный характер, во втором случае, наоборот, функциональна оппозиция «свои – чужие» (там «высшие» и «низшие» взаимно воспринимают друг друга как «своих» и «чужих», здесь «свои» и «чужие» взаимно воспринимают друг друга как «высших» и «низших»).

Среди «своих» всегда существует равенство, нарушение которого как в случае возвышения, так и в случае снижения рассматривается как отчуждение. «Свои» равны, так как они определяются в качестве таковых через отличие от «чужих», а не друг от друга (логическое тождество осмысливается здесь как социальное и политическое равенство). Через отличие друг от друга, через неравенство определяются «высшие» по отношению к «низшим» и наоборот, взаимно отчуждаясь при этом. Проблема целостности общества – это проблема степени освоения/отчуждения, которое испытывают друг по отношению к другу оппонирующие группы: базовый консенсус между «высшими» и «низшими» предполагает латентный конфликт между «своими» и «чужими» и наоборот, так что если внешнее отчуждение перевешивает внутреннее, происходят войны, а если внутреннее отчуждение перевешивает внешнее, происходят революции.

Война и революция есть два пути общественного развития, точнее, два наиболее логически завершённых его варианта: оба пути предполагают вооружённое насилие, но аналогичные цели могут быть достигнуты иначе – не без насилия, но без вооружённой его формы, предполагающей частичное физическое уничтожение противника для подчинения оставшейся части. Война есть внешний конфликт, революция – внутренний; в первом случае стороны конфликта рассматривают друг друга как этносы, во втором случае – как страты. Военная победа превращает этнос в страту, господствующую над побеждённым этносом, который тоже превращается в страту (дорийцы становятся спартиатами, ахейцы становятся илотами, – примерно так): из этнического конфликта рождается политическая структура, и культурные различия становятся социальными маркерами господствующего или подчинённого положения. Революционная победа, наоборот, превращает страту в этнос, так как уничтожение прежней социальной структуры создаёт единую монолитную культуру, отличающую новую общность от других – из политического конфликта рождается этническая структура (условно говоря, бюргеры превращаются в голландцев, буржуа – во французов и т.д.). Если взять полис и этнос как две модальности демоса, то можно сказать, что внешние столкновения этносов порождают новые внутренние политические системы, а внутренние столкновения страт порождают новые внешние этнические системы: внешнее различие и внутреннее тождество сменяются внутренним различием и внешним тождеством. Соответственно, инвариант «мы – они» из горизонтальной оппозиции «свои – чужие» превращается в вертикальную оппозицию «высшие – низшие», и наоборот, оппозиция «высшие – низшие» сменяется оппозицией «свои – чужие».

Естественно, что это лишь схема, предельно упрощающая действительную картину социального, политического и культурного развития: в исторической реальности данные процессы в виде, сколько-нибудь приближающемся к этой схеме, происходят очень редко – обычно и оппонентов, участников конфликта, гораздо больше, и социальная структура лишь в весьма архаических социумах и на ранних стадиях развития может быть сведена к двум стратам, и происходит все это обычно не в форме однократного вооружённого столкновения, а в форме длительной и более или менее мирной эволюции, когда одни оппозиции не столько сменяются, сколько снимаются другими.

Сами понятия «страта» и «этнос» весьма расплывчаты и неопределенны. В современных отечественных и зарубежных исследованиях существуют разные подходы, способы понимания и интерпретации этноса и этничности; по одной из самых распространённых классификаций, выделяются примордиалистский (эссенциалистский), ин-

струменталистский и конструктивистский подходы (два последних иногда обозначаются как единый модернистский подход). Примордиалистский подход основывается на положении о том, что этнос есть реально, объективно существующая группа людей, обладающая определенным набором характеристик, отличающим ее от других подобных групп – самоназванием, общим языком и культурой, территориальной локализацией, общим происхождением, этническим самосознанием (идентичностью), этнической солидарностью, ментальными и поведенческими стереотипами и др. Доминирующим аспектом этничности здесь является атрибутивный – этничность понимается как качество, качественная сторона некой сущности, будь то группа или индивид (этнофор – представитель этноса); другие аспекты этничности (интеракционный – этничность как форма межгруппового взаимодействия, и субъективно-символический – этничность как идентичность) являются по отношению к первому производными¹⁰. В рамках примордиалистского подхода выделяются два направления – социально-биологическое (или генетическое), и эволюционно-историческое (или культурное); к первому можно отнести концепции П.Л. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилева, ко второму – Н.Н. Чебоксарова, Ю.В. Бромлея, Э. Смита.

В свою очередь, представителями инструментального подхода являются Д. Горовиц, А. Коэн, К. Янг, Р. Брасс, Г.У. Солдатова и др. В рамках этого подхода этнос рассматривается как общность, объединяемая общими интересами, а этничность предстает ситуативной и мотивированной, средством для достижения групповых интересов и способом политической мобилизации. Политическая этничность напрямую подчиняется целям внутренней организации и стимулируется внешним давлением; она не является самоцелью, но направлена на защиту экономических и политических интересов группы. «Спящая» в нормальном (т.е. латентном) состоянии этничность актуализируется и используется с целью повышения статуса, преодоления экономической конкуренции, политического господства и/или социального контроля со стороны других групп, для солидаризации и согласования позиций и поведения индивидов внутри группы и т.д. Наибольшие преференции от этого получает культурная элита группы, поэтому ее политика в конкурентной политической и экономической борьбе с другими элитами направлена на создание и внедрение разного рода мифов, манипуляцию этническим сознанием с целью достижения максимума власти и привилегий.

Этнос в этом случае уже безусловно не является некой первичной, хотя и выражающей себя в общественном сознании, но не сводящейся к нему, а существующей внешне-объективно реальностью; это, скорее, нечто искусственно-рукотворное, своего рода конструкт, обладающий, с одной стороны, интеракционной, а с другой – субъективно-символической природой (этничность рассматривается не как атрибут, а как предикат, аскриптивная категория). Именно так интерпретируется этничность в рамках третьего, конструктивистского подхода (или парадигмы), занимающего на сегодняшний день ведущее место как в зарубежной, так и, в значительной мере, в отечественной этносоциологии и смежных дисциплинах (П. Бергер, Т. Лукман, Ф. Барт, Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, В.А. Тишков, В.С. Малахов, В. Воронков и др.). Этничность – это не внутренне присущее и неотъемлемое свойство индивидов, объединенных в соответствующие группы, а социальная категория, один из видов идентичности; это не вещь (и даже не свойство), а отношение, определяемое ситуацией. Точно так же и этнос – это не некая самосушная данность и даже не носитель этничности, а ее производное, агрегат индивидуальных этноидентичностей, параметры которого задают культурные границы. Но и культура не есть нечто объективно и самостоятельно существую-

---

¹⁰ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии, с. 52 – 60.

щее – это лишь наполнение структуры разграничения; в общем, здесь первично не тождество, а различие, и этнос является собой лишь через свое отличие от других.

Нет единства среди исследователей и в трактовках страты и социальной стратификации. «Любая организованная социальная группа всегда социально стратифицирована, - писал Питирим Сорокин. – Не существовало и не существует ни одной постоянной группы которая была бы «плоской» и в которой все ее члены были бы равны. ...Социальная стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества»¹¹. Определял стратификацию он так: «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»¹². Сорокин различает стратификацию экономическую, политическую, профессиональную и пр.; он считает, что стратификации в истории в целом не становится ни больше, ни меньше, во все эпохи мы видим конусообразные иерархии и случайные флуктуации. Экономическая стратификация в одних обществах (и в одни эпохи) проявляет тенденцию к эволюционному росту, в других фактически стоит на месте, в третьих колеблется то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. Политическая стратификация – та же самая картина: «политическая стратификация изменяется во времени и в пространстве без какой-либо постоянной тенденции. И внутри отдельной стратификационной структуры, и внутри ряда политических организаций существуют циклы возрастания и уменьшения политической стратификации»¹³. Зависят эти циклы от изменения размеров и степени разнородности политических организмов: увеличиваются размеры и разнородность – растет численность администраторов, звеньев и ступеней системы управления, уменьшаются размеры и разнородность – политический конус начинает уплощаться; а так, как политическая жизнь изменчива и непредсказуема, то и политическая стратификация подвержена постоянным флуктуациям. То же самое и с профессиональной – межпрофессиональной и внутрипрофессиональной - стратификацией, и с другими ее видами: в общем, заявлял Сорокин, «Исторический процесс скорее напоминает мне человека, который вращается в разных направлениях без определенной цели или пункта назначения»¹⁴.

Если у Сорокина видов стратификации и их комбинаций практически неограниченное количество (стратифицировано каждое элементарное коллективное единство, а их у него тринадцать, стратифицированы отношения между ними, кумулятивные единства из произвольных комбинаций элементарных единств стратифицированы внутренне, между собой, между собой и элементарными единствами – и т.д.), то Дэниел Белл называет всего три вида стратификации. «В каждом обществе существует три основных иерархических признака – богатство, власть и статус, - пишет он. - В буржуазном обществе богатство могло покупать власть и почести. В аристократическом обществе статус мог командовать властью и богатством (через брачные связи). В милитаризованном и феодальном обществах власть могла верховодить богатством и статусом. В современном обществе неясно, существуют ли устойчивые взаимосвязи между этими тремя иерархиями: доходы и богатство (даже в сочетании с корпоративной властью) редко обеспечивают престиж...; политическая должность не делает человека богатым; высокий статус (а профессора занимают одно из самых высоких мест по уровню престижно-

¹¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. - С. 304, 307.

¹² Там же. - С. 302.

¹³ Там же. - С. 345.

¹⁴ Там же. - С. 333.

сти) не обеспечивает богатства или власти»¹⁵. По этому поводу можно заметить, что в некоторых «современных» обществах профессорам, действительно, ни богатство, ни власть не грозят, да и статус их, нельзя сказать, чтобы был очень уж высоким, зато богатство обеспечивает престиж в полной мере, а политическая должность не делает богатым лишь клинического идиота.

Бернард Барбер выделяет шесть измерений социальной стратификации: по профессии, по степени власти или могущества, по уровню дохода или богатству, по уровню образования или знания, по степени религиозной или ритуальной чистоты, по родственным и этническим группам. Он предлагает две геометрические модели, иллюстрирующие относительно высокий и относительно низкий уровень стратифицированности общества – пирамиду и ромб: «С учетом факта иерархии двумя основными фигурами, образующимися при распределении стратификационных рангов, являются пирамида и ромб. Эти две фигуры показывают, что всегда имеется меньшинство, занимающее ранги ближе к вершине – «элита» или совокупность «элит». Однако в пирамидальной фигуре, кроме того, сравнительно немного людей обладают средними рангами, а масса населения находится в низших рангах. В противоположность этому ромбовидная фигура характеризуется пропорционально большим сосредоточением людей в средних рангах, чем в низших, хотя в низших рангах остается достаточное количество лиц, чтобы образовать заострение в нижней части ромбовидной в основе своей фигуры»¹⁶. Этот образ представляется нам весьма удачным; что же касается самого набора измерений стратификации, то он не является универсально применимым ко всем или даже большинству конкретно-исторических обществ, так как далеко не во всех из последних существовали институты, подобные современным профессиям, и не во всех из них ранжирование могло в более или менее широких масштабах осуществляться по уровню образования или «ритуальной чистоты».

Энтони Гидденс приводит данные социологических опросов, при проведении которых респонденты определяли свои стратификационные позиции в таких категориях, как «высший класс», «высший средний», «средний», «высший рабочий», «рабочий», «низший», «бедный» и т.п. Подобные опросы, как и следовало ожидать, выявили, что «представители нижних этажей классовой структуры очень часто воспринимают стратификацию через призму противостояния между «мы» и «они». «Они» - это люди, занимающие властные посты, чиновники, боссы, управленцы. «Мы» - это объекты власти, одинаковые в плане подчиненного положения на работе и относительного бесправия в жизни»¹⁷; однако валидность самой системы категорий, где профессиональная стратификация переплетается с имущественной, а подразумевается еще ранжирование по уровню образования и некоторым другим показателям, может быть поставлена под сомнение.

Под углом зрения интересующей нас проблемы, чем проще та или иная теория стратификации, тем она лучше, ибо она тем абстрактней и универсальней, а нас в данном случае интересует именно схематизм общественных отношений, и предлагаемые построения имеют характер веберовских идеальных типов. Так вот, с этой точки зрения предпочтительней всего выглядит триада Белла: богатство – власть – статус, которую, впрочем, мы бы предпочли сократить до диады богатства и власти, так как статус – по-

---

¹⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. - С. 614.

¹⁶ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности. – В кн.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 246.

¹⁷ Гидденс Э. Социология. – М., 1999. - С. 213.

ложение индивида в обществе – произведен как в логическом, так и в хронологическом плане от двух первых (вообще, статус – это понятие другого уровня, ибо обозначает итоговую позицию, суммирующую и результирующую все отдельные позиции на разных шкалах стратификации). Опять же, сильно упрощая, можно сказать, что по богатству (точнее – размеру собственности) и власти (объему политических прав) индивиды и группы в составе общества стратифицируются на классы и сословия: по отношению к власти стратифицированные группы юридически конституируются как сословия, по отношению к собственности они экономически конституируются как классы. Сословная и классовая стратификация не обязательно совпадают друг с другом, они, скорее, находятся в постоянной динамике: относительно крупные собственники могут не иметь политических прав, а лица, облеченные даже очень высокой властью, могут практически не иметь собственности (такая ситуация довольно обычна для имперских режимов), но при этом класс, как правило, стремится стать сословием (собственники стремятся подкрепить свои высокие экономические позиции политическими правами и привилегиями), а сословие стремится стать классом (администраторы, располагающие значительными политическими ресурсами, стремятся к тому, чтобы превратить свои права распоряжения и пользования общественным или государственным имуществом - в право собственности: есть масса исторических примеров таких «приватизаций» – от Древнего Египта до Советского Союза). В результате плебеи получают гражданские права, а дворяне становятся из временных владельцев государственных поместий их полными частными собственниками. Вектор эволюции в первом случае направлен на превращение класса в сословие (через цензовую систему: политические права определяются размером собственности), во втором – на превращение сословия в класс (дворяне не только превращают поместья в вотчины, но и освобождаются от обязательной службы, что ставит под вопрос их политические права и, рано или поздно, приводит к той же цензовой системе). Ценз есть выражение гармонии классовых и сословных отношений, но такая гармония всегда дело временное: превращающееся в класс сословие теряет сословные права, политические прерогативы формально или, во всяком случае, реально начинают определяться размером собственности, автократии демократизируются и империи становятся республиками; наоборот, получивший сословные права класс вскоре оказывается перед ситуацией, когда все становятся гражданами и гражданство тем самым утрачивает всякий смысл, ибо не сообщает его обладателю позицию политического господства (над не-гражданами), и если права прежде определялись имуществом, то теперь имущество начинает определяться правами – возникают новые сословия, демократии сменяются автократиями, республики становятся империями.

Еще раз повторим, что подобные обзоры с высоты птичьего (а то и космического) полета и набрасываемые с такого расстояния от конкретно-исторической «фактуры» схемы исполняют здесь эвристическую функцию идеально-типических конструкций, «не претендующих на роль категориального выражения объективных общественных тенденций и закономерностей»; согласимся также и с Р. Будоном в том, что подобного рода «теории социального изменения, претендующие на всеобщий характер, даже в самом лучшем случае должны рассматриваться как формальные теории, которые не могут быть напрямую приложимы к реальности, но которые, тем не менее, могут быть полезными при анализе отдельных процессов благодаря либо языку, который они предлагают, либо описанию идеальных примеров»¹⁸. И все же мы считаем возможным упростить и эту, без того уже более чем упрощенную схему социальной стратификации до одного-единственного параметра – политической стратификации, или ранжирования

---

¹⁸ Будон Р. Место беспорядка: критика теорий социального изменения. – М., 1998. – С. 252.

на группы, различающиеся по объему и содержанию юридически установленных прав и обязанностей. Если главным внутренним интегратором общества – именно целостного общества, а не того или иного «коллективного единства» – мы признаем институт политической власти, то именно это измерение и должно служить шкалой стратификации; мы не отрицаем наличия иных плоскостей стратификации, но считаем, что в данном контексте все они в той или иной степени опосредуются именно политически, и именно сословная идентичность (она же гражданская) является естественным результатом позиционирования/категоризации себя индивидом в качестве члена той или иной интраобщественной группы, осмысляющей свои отношения с другими подобными группами через оппозицию «мы – они».

Сословные отношения – это отношения политически неравных групп; это отношения господства/подчинения. Гражданство, гражданские права мы считаем необходимым осмыслять не через противопоставление, а через уподобление принципу сословности: действительно, гражданство, сообщающее его носителю политические права, передающиеся по наследству (индивид актуализирует свое право с наступлением правоспособного возраста – точно так же, как это происходит и с сословными правами), но которые при этом могут быть получены и другим путем (точно так же могут быть получены и сословные права: сословие – это не каста), ничем существенным не отличается от сословия. Гражданин является в полном смысле таковым лишь по отношению к негражданам; гражданские права являются правами на потенциальную или реальную политическую власть над негражданами, и лишь до тех пор, пока гражданство является относительным меньшинством населения в рамках того или иного политического организма, гражданство дает право на политическую власть.

Здесь трудно удержаться от примеров: так, можно заметить, что в Риме за получением гражданства италиками последовало падение республики и установление принцепата, а вслед за эдиктом Каракаллы наступил доминат: когда гражданами становится большинство, господство осуществляется уже не ими, а над ними. Еще одно наблюдение: странное дело, но чем демократичней режим, чем более равноправны граждане, тем выше абсолютная и относительная численность бюрократии, которую эти самые граждане вовсе не избирают – чиновников всех уровней назначают, в чем при всем желании нельзя усмотреть ничего демократического. В разного рода авторитарных режимах и ужасных деспотиях госаппарат, как правило, настолько мал, слаб и неэффективен, что просто диву даешься, как он мог осуществлять свое жестокое насилие, зато в демократиях численность чиновников по отношению к количеству населения на несколько порядков выше, и с каждой новой последовательной демократизацией соответствующие цифры увеличиваются если не в геометрической, то уж точно в арифметической прогрессии.

Несколько таких цифр для примера: в «наводившей ужас» на всю Российскую империю Тайной канцелярии Анны Иоанновны служило 15 – 20 чел. (на 18 млн. чел. населения страны), штат не менее знаменитого III Отделения при его создании насчитывал 16 сотрудииков (на 52 млн. чел. населения), а к концу правления Николая I увеличился до 40 чел. (на 72 млн. чел. населения), в принявшем эстафету от III Отделения Департаменте полиции в 1895 г. служили 161 чел. (на 124 млн. населения)¹⁹: в современной демократической России отношение численности сотрудников политической полиции к количеству населения, мягко говоря, несколько выше. В 1727 г. количество чиновников центральных и местных правительственных учреждений в России равня-

---

¹⁹ Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725 – 1740. – СПб, 1994. – С. 353 – 354; Анисимов Е.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII – первой половине XIX века: История. Историк. Документ. – М., 1994. – С. 118, 312; Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С. 392.

лось 4874 чел. - на 16 с небольшим миллионов тогдашнего населения России: один чиновник приходился на 3285 человек населения; в 1764 г. в империи с населением 23,4 млн. чел. насчитывалось 16 504 чиновника: один чиновник на 1416 чел. населения; к 1804 г. чиновничий штат сократился до 13 260 чел., а население выросло до 40,6 млн. чел., так что один чиновник теперь приходился на 3062 чел. населения; в 1851 г. население в 56,9 млн. чел. управлялось 33 460 чиновниками – один чиновник на 1700 чел. населения; в 1874 г. насчитывалось 92,5 тыс. чиновников на 89,9 млн. чел. населения – 1 чиновник на 972 чел. населения²⁰. И так далее: очевидно, что между постепенной демократизацией общественных отношений и ростом численности чиновничества прослеживается достаточно четкая корреляция – так, за два с небольшим десятка лет между абсолютистским жестким централизованным правлением Николая I («Палкина») и проведением последних буржуазно-демократических реформ Александра II («Освободителя») количество чиновников в расчете на душу населения почти удвоилось; и этот результат следует истолковать как следствие частичного и недостаточно демократического характера Великих реформ, так как в куда более решительно демократизировавшихся после 1848 г. западноевропейских странах численность чиновников на душу населения была в три – четыре раза выше, чем в России²¹. Не исключение в этом ряду и позднейшие времена: в сегодняшней России численность населения более, чем в два раза уступает численности населения СССР, зато численность чиновничества более, чем в два раза выше, так что один чиновник в Российской Федерации приходится уже менее, чем на сто человек населения. Почему современному демократическому – и еще, по всеобщему мнению, в совершенно недостаточной степени – российскому обществу, требуется **в тридцать три раза больше** чиновников в расчете на душу населения, чем совершенно не демократическому обществу эпохи Петра I? В каком из этих обществ в большей степени было развито самоуправление, как таковое? И в чем заключается в этом случае прогресс демократии? Единственно поступательно развивающийся здесь процесс – это процесс прогрессирующего огосударствления не только потестарных отношений, но и прочих самых разнообразных сфер жизни, который отнюдь нельзя списать на специфическую российскую традицию: так, служащие образцом для всего мира западноевропейские демократии прокачивают сегодня через бюджет около 40% ВВП, в то время, как в абсолютных монархиях XVIII века, фискальные ведомства которых чуть ли не ежегодно вводили новые налоги для пополнения казны, этот показатель равнялся 5%²². Насколько и в каком смысле можно рассматривать процессы вытеснения реципрокного обмена механизмами редистрибуции как процессы демократизации – это еще вопрос (что касается примитивных социумов, то, по мнению антропологов, движение от реципрокности к редистрибуции тождественно движению от эгалитарного общества к ранговому²³; но мы, понятное дело, не папуасы, и у нас, видимо, все наоборот).

Граждане равны между собой и не равны по отношению к другим – не равны негражданам; гражданство есть господствующее сословие, и только до тех пор, пока это так, неграждане прилагают огромные усилия для того, чтобы стать гражданами; если же граждане не питают никакого интереса к «исполнению своего гражданского долга», так что для победы на выборах, за неявку на которые «граждан» начинают наказывать,

²⁰ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. – М., 1993. – С. 241, 262; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л., 1991. – С. 128 – 129.

²¹ Пайпс Р. Указ. соч. - С. 367.

²² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. Время мира. – М., 1992. – С. 312 – 314.

²³ История первобытного общества. Эпоха классового общества. – М., 1988. – С. 144.

становится достаточным собрать 1/10 голосов всего правоспособного населения, это значит, что реальные механизмы осуществления господства лишь в минимальной степени связаны с избирательными процедурами и фактом наличия или отсутствия гражданских прав. В какой степени демократически или не демократически (олигархически, автократически) осуществляется принятие политических решений членами господствующего сословия – это второстепенный момент по сравнению с тем фактом, что это именно сословие, осуществляющее свое господство (объем, уровень, формы которого, конечно, могут сильно различаться) над другими сословиями. В этом отношении классическая античная и особенно афинская демократия, так высоко оцениваемая Поппером²⁴ и множеством других исследователей, есть не что иное, как форма внутренней политической организации господствующего сословия – с одной стороны, аристократической, а с другой стороны – олигархической группы, каковой являлся гражданский коллектив по отношению ко всем негражданам. Мы почему-то столь пристально изучаем процедурные стороны работы этих фактически сословно-корпоративных органов, но уделяем явно недостаточное внимание тому, как полис осуществлял свое господство над всеми, кто не входил в его состав; и наоборот, бросая взгляд на европейский феодализм, мы почему-то первым делом обращаем внимание на отношения между дворянами и крестьянами, но уделяем весьма мало внимания перипетиям политических баталий и хитростям избирательных процедур во всех этих сеймах, комитатах, штатах, парламентах и т.д. Экклесия почему-то кажется нам более демократическим органом, чем дворянское собрание, хотя количественное соотношение между гражданами и негражданами в одном случае, и дворянами и недворянами в другом не так уж сильно различается (особенно если взять такие страны «дворянской демократии», как Польша или Венгрия), что же касается размеров и форм осуществления господства над всеми, кто не входит в данную «общину равных», то античные граждане дадут здесь приличную фору позднейшим дворянам.

Теперь вернемся к понятию «этнос». Конечно, говорить об этнических различиях можно в более универсальном и абстрактном смысле, чем о различиях национальных, ибо «нацией» в разных практиках словоупотребления может называться и культурно-лингвистическая, и гражданско-правовая общность, причем в довольно узких хронологических рамках – не ранее XVIII или, во всяком случае, XVII века – в этом согласны и марксисты, и конструктивисты. С другой стороны, этничность в этом плане может означать только видовое отличие при игнорировании всякой стадильности, ибо этносом приходится одинаково называть и жителей одной деревни, и население огромной империи. Так же одним и тем же понятием приходится обозначать общности, различающиеся порой по численности в сто тысяч раз: есть этносы, насчитывающие менее тысячи человек, а есть этносы, насчитывающие более сотни миллионов человек. По данным на середину 80-х гг. XX века, к первым относились тофалары, негидальцы, нганасаны, юкагиры, истрорумыны, конг, нхай, ведды, энганцы, кота, тода, беллари, корага, найки, мрабри, андаманцы, хадза, сапаро, каничана, она, алакалуф, яганы, матагалпа, шинка, ульва, пайя, шириана, гуатусо, хикаке, килиуа, сери, вакаши, кикапу, тлинкиты, мангарева, пукапука, рапануйцы, гавайцы. На сегодняшний день ситуация может быть несколько иной, так как еще почти двадцать лет назад численность этноса сери не превышала 500 чел., яганов оставалось 70 чел., алакалуфов – 50 чел., а от она уже тогда остались фактически одни воспоминания – последняя «чистокровная» представительница этого этноса умерла в 1966 г., а двадцать лет спустя насчитывалось только два десятка метисов. На другом полюсе находятся этносы, численность которых превышает сто миллионов человек: таковыми на тот же период времени были китайцы, хинду-

---

²⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. - М., 1992.

станцы, бенгальцы, американцы, бразильцы, русские и японцы²⁵. Таким образом, и русские – «этнос», и пукапука – «этнос»; полсотни алакалуфов и более миллиарда китайцев обозначаются одним и тем же словом, хотя по количеству членов одна общность превосходит другую в 20 000 000 раз (!).

Конечно, одного лингвистического критерия для выделения этносов недостаточно (да и сам этот критерий не безупречен, ибо встают проблемы диалектов – у тех же андаманцев, численность которых всего несколько сотен человек, выделяются пять только важнейших диалектов, наличия/отсутствия письменности и пр.); следует учитывать степень специфичности культуры и, главное, наличие этнического самосознания, противопоставляющего *Нас – Им*. Представляется, что именно последний этнический определитель имеет решающее значение, в чем сходятся между собой даже самые крайние примордиалисты с самыми радикальными конструктивистами. Соответственно, можно сказать, что наше понимание этноса располагается в континууме между культурно-историческим вариантом примордиализма и умеренным конструктивизмом, примерно в духе Э. Смита, считающего, что нации действительно конструируются, но конструируются они не из ничего, а из этносов; ближе всего нам, пожалуй, «релятивистская теория» А.Г. Здравомыслова, уравнивающая этнос и нацию в качестве взаиморефлектирующих психолингвокультурных целостностей²⁶.

Таким образом, мы считаем, что социальная реальность имеет два основных измерения: вертикальное – политическое, и горизонтальное – этническое. В вертикальной плоскости друг другу оппонируют сословия, в горизонтальной – этносы, социально-психологически противопоставляя при этом себя как *Мы* – оппоненту, категоризируемому и идентифицируемому как *Они*. В роли *Мы* и *Они* в одном случае выступают сословия, в другом – этносы, при этом внутренняя сословная оппозиция снимает (деактуализирует, минимизирует, вытесняет) внешнюю этническую, и наоборот; при этом межэтнические отношения тем толерантней, чем интолерантней межсословные отношения, а межсословные отношения тем толерантней, чем интолерантней отношения межэтнические.

В обществе, политическая организация которого строится на относительно максимальном гражданско-правовом неравноправии групп элиты и массы, вертикальная ипостась оппозиции «мы – они» доминирует над горизонтальной, т.е. противопоставление «высшие – низшие» при идентификации и категоризации индивидом себя и других как членов определенных групп получает приоритет над противопоставлением «свои – чужие». Внутренние различия здесь важнее внешних, сословные градации более значимы, чем этнокультурные различия, правовая гетерогенность важнее этнической гомогенности. При этом для маркировки социальной дистанции между элитой и массой, между правящими и управляемыми, господствующими и подчиняющимися используются те же самые артефакты культуры, что обозначают межэтнические границы, так что высшее и низшее (условно) сословия образуют собой нечто вроде квази- или псевдоэтносов, объединяющих в себе соответствующие страты различающихся между собой «настоящих» этносов, сословность как псевдоэтничность надстраивается над собственно этничностью. Аристократы здесь придумывают себе родословные, возводящие их роды к внешним этногруппам – разного рода троянцам, варягам, франкам и т.п., вне зависимости от своего действительного происхождения, которое в то же время действительно часто бывает внешним: политогенез таких социальных структур нередко происходит через завоевание, покорение одного этноса другим и превращение их в со-

²⁵ Народы мира: историко-этнографический справочник. – М., 1988. - С. 543 – 575.

²⁶ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика // Ответственные науки и современность, 1997, № 4.

словия; в то же время реальным группоинтегрирующим фактором здесь является уже не этническая, а сословная принадлежность, сословная идентичность доминирует над этнической, поэтому представители разных этносов легко становятся членами одного сословия (относительно европейского феодального общества это факт признается большинством историков, этнологов и социологов; мы же считаем это конкретным примером общей закономерности).

В противоположном случае, когда политическая организация общества строится на относительно минимальном гражданско-правовом неравноправии, внешние различия получают приоритет над внутренними, этнокультурные – над сословными, этническая гомогенность становится важнее правовой гетерогенности. Здесь этнокультурная принадлежность становится основанием для получения или лишения политических прав, и уже не сословия выступают как псевдоэтноты, а этноты выступают как псевдосословия. Внутреннее политическое равенство предусматривает внешнее этническое неравенство – как в реальной практике межэтнических отношений, так и, в еще большей степени, в идеологии, в доктринах националистического и расового превосходства (и, разумеется, во всей разделяемой обществом такого типа системе ценностей). Не обязательно такое общество является демократическим, оно, скорее, является демотическим²⁷; демократическая система, предусматривающая определенный набор институтов и процедур, предстает здесь одним из возможных вариантов внутренней политической организации. В то же время демократическому обществу как подварианту демотического присущи все основные черты последнего, реализуемые в социально-политической, идеологической и др. сферах жизни. Одни и те же, казалось бы, формы и институты, используемые сословно-иерархическим и этно-демократическим обществами, приобретают совершенно различное содержание: так, например, испанцы, португальцы, французы – с одной стороны, и голландцы, англичане, американцы – с другой, одинаково захватывали колонии и практиковали рабство (мы учитываем, что Франция после 1789 г. перестала быть абсолютной монархией, а Англия и по сей день остается монархией, но конституционной, что, наконец, США сами были до провозглашения независимости английскими колониями, но считаем, что в данном контексте это несущественно). Однако имперско-монархический вариант колониализма и рабовладения чрезвычайно существенно отличался от республиканско-демократического: в одном случае социальные структуры аборигенного населения сохранялись и даже укреплялись, туземцы юридически становились подданными, в колониях действовало общее с метрополией законодательство, местная знать поступала на службу и получала привилегии, развивались процессы метисации; что касается рабов, то аборигенов в рабство не превращали, а завозили чернокожих невольников, но и те, будучи рабами, не только выступали субъектами права, но и располагали некоторыми правами – даже в Бразилии с ее плантационным рабством рабы могли вступать в брак, супруги не могли быть проданы по отдельности, дети-мулаты часто получали свободу и становились полноправными и т.д. В другом случае все было иначе: ни о какой интеграции аборигенов в состав социума-колонизатора речь вообще не шла, их вытесняли и истребляли при каждом удобном случае, а рабы в принципе не воспринимались как люди, на них не распространялись законодательные нормы, они не только не имели прав, но и сами рассматривались в категориях неодушевленных предметов, имущества²⁸. Специфичны

²⁷ Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Политические исследования, 1996, № 1.

²⁸ См., например: Петтигрю Т.Ф. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: социологическая перспектива. – В кн.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 317 – 318; Гидденс Э. Указ. соч. – С. 246.

здесь только конкретно-исторические обстоятельства, а сами формы и даже идеологические доктрины в высшей степени универсальны: так, расизм как идеология превосходства одной группы над другой на основании биологических, природных признаков, отнюдь не стоит рассматривать как концепцию XIX века – Аристотель был ничуть не меньшим расистом, чем Гобино или Лебон, когда писал о том, что варвары – рабы от природы, и обосновывал это природно-климатическими условиями, спецификой образа жизни и, главное – самой физической конституцией последних²⁹; даже цвет кожи тоже играл у греков роль расового классификатора и основанием для идеологии расового (равно как и гендерного) превосходства³⁰, хотя они и не имели сколько-нибудь массовых и продолжительных контактов с негроидами и монголоидами – по крайней мере, в период расцвета полисной демократии.

В социокультурном развитии, которое мы, согласно социологической традиции от Спенсера до Лумана, склонны трактовать как системный процесс взаимосвязанных явлений интеграции, дифференциации и упорядочивания, оппозиция «мы – они» исполняет всю триаду функций, выступая в разных аспектах интегрирующим, дифференцирующим и упорядочивающим социально-психологическим фактором. В ходе развития происходит объединение внешних и разделение внутренних социальных групп, при этом сословная интеграция предполагает этническую дифференциацию, а этническая интеграция – сословную дифференциацию. Служащая средством идентификации и категоризации отдельных индивидов и состоящих из них групп (в споре социальных реалистов-холистов-субстанциалистов с социальными номиналистами-атомистами мы придерживаемся золотой середины в духе концепции Г. Тэджфела, считающего межиндивидные и межгрупповые интеракции двумя полюсами одного континуума), а тем самым оказывающая влияние на социальное поведение оппозиция «мы – они» предстает в двух вариантах – в сословном варианте «высшие – низшие» и этническом варианте «свои – чужие», причем эти противопоставления опосредуют друг друга так, что содержание одной предстает в форме другой, и наоборот. Однако это, используя шпенглеровское понятие, псевдоморфоз: хотя одна оппозиция предполагает другую, они не параллельны, а перпендикулярны, поэтому противопоставление «высшие – низшие» снимает противопоставление «свои – чужие», минимизирует ее идентификационный потенциал, и наоборот, так что, чем более выражено одно противопоставление, тем менее выражено другое.

Толерантность в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий находится в обратной пропорциональности к интолерантности в сфере межсословных взаимоотношений и взаимодействий, а толерантность в сфере межсословных взаимоотношений и взаимодействий обратно пропорциональна интолерантности в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий. Демократическое общественное устройство предполагает межсословную толерантность и межэтническую интолерантность, авторитарное общественное устройство, наоборот, предполагает межэтническую толерантность и межсословную интолерантность. Так как чисто демократические и чисто авторитарные общества представляют собой не реальные социальные организмы, а идеальные типизации, то степень толерантности или интолерантности в межэтнических и межсословных отношениях определяется тем, каков удельный вес, насколько велика сфера приложения и действия одного или другого способа политической организации в разных сферах жизни каждого данного конкретно-исторического общества. Каждое

²⁹ Аристотель. Политика, 1252a30 – 1252b10, 1255a, 1256b25.

³⁰ Ксенофонт. Анабасис, IV, 5, 33 – 38; Ксенофонт. Греческая история, III, 3, 19; DuBois Page. Centaurs and amazons: women at the pre-history of the great chan of being. – Michigan, 1982, p. 111.

конкретно-историческое общество в каждый момент своего существования находится на определенной стадии, фазе или ступени социокультурного развития, эволюционируя от сословности к этничности, или наоборот; соответственно, и два варианта оппозиции «мы – они» находятся в постоянном взаимодействии, в котором расширение сферы функционирования оппозиции «свои – чужие» означает сужение сферы функционирования оппозиции «высшие – низшие», или наоборот.

Эта закономерность может быть использована как аналитически, при изучении истории предшествовавших и жизни существующих обществ, так и прогностически, при определении направления будущей эволюции того или иного социума; впрочем, следует заметить, что любая, хотя и дедуктивно изложенная, но индуктивно выведенная на основании большей или меньшей совокупности имеющихся – т.е., исторических - фактов, концепция имеет большее значение для исторических исследований, нежели для футурологических предсказаний. Не будем мы оспаривать и то, что наша концепция не имеет абсолютно универсального характера, как и утверждать, что она не может быть опровергнута никакими фактическими примерами. Возможно, одни группы конкретно-исторических явлений могут быть объяснены с помощью этой схемы лучше, чем другие, возможно, что какие-то группы явлений вообще не могут быть объяснены с ее помощью; однако в философии нельзя обойтись без абстрагирования и генерализации, так что, чем более отвлеченный и универсальный характер носит та или иная теория, тем в меньшей степени она может быть применена к объяснению конкретных явлений. Мы надеемся, что наша концепция или, говоря менее решительно и более точно – схема, может быть расположена где-то ближе к золотой середине; конечно, для того, чтобы это пожелание так и не осталось только пожеланием, данной гипотезе необходимо придать черты доказательного утверждения, испытать ее функциональные возможности как объяснительного средства на том или ином историческом материале, однако в рамках статьи это, к сожалению, не представляется возможным.